

СОКОЛОВ А. А. — в ПОМПОЛИТ

СОКОЛОВ Александр Азарович, родился в 1883. Учился семь классов гимназии в Краснодаре, в 1905 — окончил последние курсы гимназии в Новороссийске. Учился на юридическом факультете Петербургского университета, в 1912 — последние курсы окончил в Казанском университете. Проживал в Армавире, служил помощником присяжного поверенного, с февраля 1918 — избран местным судьей 3-го участка. При занятии Армавира Добровольческой армией служил в адвокатуре Военно-окружного суда. После возвращения в Армавир Красной армии работал в Коллегии правозащитников: народным судьей, кодификатора, секретаря и заместителем заведующего информационно-инструкторским отделом Исполкома; затем — секретарем, заместителем заведующего отделом Управления; с середины 1920-х — юрисконсульт в учреждениях. Женат, в семье — сын. 25 августа 1930 — арестован, в январе 1931 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В феврале 1931 — находясь в Армавирском Домзаке, обратился за помощью в Помполит.

<2 февраля 1931>

«В Комитет содействия политическим
заключенным имени Пешковой

Соколова Александра Азаровича,
нах<одящегося> в гор<оде> Армавир
Сев<еро>-Кавк<азского> края
в Армавирском Доме заключения

Моя краткая автобиография. Мне 47 лет (родился в 1883 году). Шести лет от роду я лишился матери (умерла) и с этого возраста стал жить по квартирам, так как отец, будучи занят работой у деда, не мог присмотреть за мной. По достижении десятилетнего возраста был отдан в Екатеринодарскую гимназию (ныне Краснодар), где пробыл до 8-го класса. По болезни перевелся в Новороссийскую гимназию, которую и окончил в 1905 году. Затем поступил в Петербургский Университет по юридическому факультету. Пробыл до 1910 года. В 1910 году произошел полный разрыв с моим отцом (он буквально меня выгнал без всяких средств), и я оканчивал образование за свои средства, добываемые дачей уроков, перепиской и т<ак> д<алее>. Перевелся я в Казанский Университет, где держал государственные экзамены и в 1912 году получил диплом. Должен сказать, что в 1910 году я привлекался к ответственности по ст<атье> 129 Угол<овного> Улож<ения> за издание книжки "Вперед". Дело вел следователь Петербургской Судебной Палаты. Дело обо мне в 1911 году было прекращено за недоказанностью. В 1912 году по окончании Университета я приехал в г<ород> Армавир, где, записавшись помощником присяжного поверенного, стал заниматься практикой, специализируясь по гражданским делам. В Армавире я находился по настоящее время, безвыездно. Во время Октябрьской Революции (а в Армавире она произошла в 1918 году в феврале месяце) я местным Сов<етом> деп<утатов> (как тогда назывался) был выбран местным судьей и занимал должность местного судьи 3-го следственного участка вплоть до занятия Армавира белыми. При белых ни один из местных судей никаким репрессиям не подвергался. Преследовались только из Чрезвычайной Следственной Комиссии и Трибунала. При белых я опять стал заниматься адвокатурой, причем, проводил и политические дела. Всего 10-12 (из них крупных 5-6, и у меня сохранились только две папки дел) в Военно-Окружном Суде. Ни одного моего дела не окончилось

повешением, а максимально 6 месяцами тюрьмы. При занятии Кубани Красной Армией я был зачислен в Коллегию Правозаступников, занимал должность (в порядке постепенности) народного судьи, кодификатора информационно-инструкторского отдела Исполкома секретаря, зам<естителя> заведующего этим отделом, секретаря, зам<естителя> заведующего отделом Управления, в Комиссии Помощи голодающим: секретаря, председателя и т<ак> д<алее>. Когда образовалась Коллегия Защитников, то я был принят в число членов, одновременно находясь на службе в качестве юрисконсульта в различных учреждениях (Коммунхоз, электростанция, Жилсоюз, Муктрест и т<ак> д<алее>). Я член союза Текстильщиков с 1920 года. Отец мой, простой казак станицы Петропавловской, имел 800 дес<ятин> земли, полученной им от своего отца (моего деда). С отцом, как я указал выше, с 1910 года ничего общего не имел. Во время властвования белых мне стало известно, что отец с белыми ушел за границу. В 1922 году неожиданно для меня отец написал мне несколько писем, но так как я на его письма не отвечал, то его писания прекратились к 1923 году. Года три тому назад один из приятелей моего отца, будучи у меня в качестве клиента, сказал, что отец мой умер... Работая в Коллегии Защитников, я по мере своих сил (я болен туберкулезом) выполнял и общественную работу (делал доклады, ездил в культпоход и т<ак> д<алее>).

Обвинение меня и приговор. В 1930 году 23-го августа Уполномоченным ОГПУ был произведен обыск в моей квартире. Прежде чем приступить к обыску, Уполномоченный спросил, есть ли у меня оружие и деньги. Я ответил, что оружия у меня нет, а деньги есть и деньги представил ему. Произведя обыск и не найдя ничего, Уполномоченный забрал у меня, моей жены и сына 17-ти лет (имеющих самостоятельные расходы) серебряной монеты рублями одиннадцать, три полтинника и мелкой разменной на 2 р<убля> 50 коп<еек>, всего 15 руб<ля>. Кроме того, серебряной монеты времен Екатерины, Анны и т<ак> д<алее> коллекцию также рублей 15-17 и предложил мне 25-го августа зайти в ОГПУ. 25-го августа я зашел в ОГПУ и тогда со мной в моей квартире два Уполномоченных ОГПУ снова произвели обыск. При этом обыске у меня были взяты: безопасные бритвы (две) Джиллет, бывшие в употреблении, шприц "Рекорд" для инъекции кокаилова натра (делал я сам), оселок для точки ногтей, автоматический карандаш, ручка с золотым пером, копировальная бумага листов 25, коробка перьев запломбированная и еще что-то из мелочи. Уполномоченный ОГПУ объявил мне, что все это контрабанда, а я же заявил, что все это куплено в гос<ударственных> магазинах, и я это докажу. 25-го августа я был арестован. 29 августа впервые меня допросили, предложив написать свои показания по следующим вопросам: 1) Краткую автобиографию и принадлежал ли я к каким-нибудь политическим партиям, 2) относительно нахождения у меня серебряной монеты, и говорил ли я кому-нибудь, что советский рубль падает, и что надо покупать серебро и 3) относительно контрабандных вещей. По всем вопросам я дал исчерпывающие ответы. К Политическим партиям ни к каким и никогда я не принадлежал. Такой глупости, базарных разговоров, как рубль падает, и нужно покупать серебро, никогда и никому не говорил, да и говорить не мог, так как, если бы даже вопрос стоял о падении рубля, то заменить его таким эквивалентом (в действительности не представляющим ценности) как серебро, я сказать и не мог. В отношении так называемых контрабандных вещей, то указал, в каком магазине я приобрел эти вещи. 3-го сентября меня из ОГПУ перевели в Дом зак<лючения>. 12 сентября мне после допроса (я подтвердил первые свои показания) впервые было объявлено, что я обвиняюсь по ст<атьям> 58-10, 59-9 и 59-12 Уг<оловного> Код<екса>, и что следствие обо мне

окончено, и дело передается Прокурору гор<ода> Армавира. Только 12 сентября я впервые узнал, что я обвиняюсь в какой-то контрабанде, в нарушении валютных операций и в агитации и пропаганде против Сов<етской> власти. Откровенно признаюсь, что я никогда не предполагал, что представленные мною 15 руб<лей> из них 2 р<убля> 50 к<опеек> мелкой монеты являются преступлением по ст<атье> 59-12 (так как мне было известно, что преследовались укрыватели мелкой разменной монеты в 10, 15 и 20 коп<еек>), для меня также казалось диким и непонятным, чтобы вещи, приобретенные в государств<енных> магазинах (последние продавали их открыто и всем), у меня вдруг оказались контрабандными, а в отношении предъявленного обвинения по ст<атье> 58-10 Уг<оловного> Код<екса>, т<о> е<сть> в агитации и пропаганде против Сов<етской> власти, тут я уже не мог найти никакого объяснения, так как никогда и ни перед кем никакой агитацией и пропагандой против Сов<етской> власти не только не занимался, но даже не вел разговоров вообще на политические темы (в своей общественной работе я касался только и исключительно законодательства). 15-го сентября я написал и послал Прокурору гор<ода> Армавира заявление с просьбой произвести дополнительное следствие, дав мне возможность ознакомиться с материалами предварительного следствия. В отношении обвинения по ст<атье> 58-10 Уг<оловного> Код<екса> сделать очную ставку с лицом и лицами, оклеветавшими меня, давшими ложный материал, причем, указал, что такой оговор мог быть на почве квартирной Жактовской склоки (о чем у меня имеются данные), на почве судебной, когда я слышал угрозы со стороны лиц, противником которых я выступал, наконец, оговор мог быть и по другим основаниям, и что я лжесвидетеля (-лей) безусловно разоблачу и докажу полную свою невиновность. В отношении 59-9 <статьи> Уг<оловного> Код<екса> я указал целый ряд свидетелей (зав<едующего> магазином, бухгалтера и продавцов), которые могут удостоверить, что взятые у меня вещи не контрабандного происхождения, а приобретены вполне легально. В отношении 59-12 Уг<оловного> Код<екса>, т<о> е<сть> в нарушении Правил о валютных операциях, я указал свидетеля-понятого, который мог бы удостоверить, что деньги отданы из кошельков моей жены и сына и у меня, и наконец, сумма 2 р<убля> 50 к<опеек> мелкими монетами едва ли подойдет под преступление по ст<атье> 59-12 Уг<оловного> Код<екса>. Никакого сообщения о результате моего заявления от Прокурора не получил. Тогда я написал 29 сентября Прокурору Северо-Кавказского края и Прокурору Республики РСФСР. Результат получил такой же, — никакого ответа я не получил. 12 октября вторично пишу Прокурору гор<ода> Армавира и Прокурору Республики — ответа никакого. 13-го октября пишу в Н<ар>-К<омат> Ю<стиции> РСФСР (отдел жалоб) — никакого ответа и 31 октября в третий раз пишу в Н<ар>-К<омат> Ю<стиции>, Прокурору Республики и Прокурору гор<ода> Армавира. До сего времени я не только не знаю, что сделано по моим заявлениям, не имею даже сведений, что мои заявления дошли по назначению. Во всех заявлениях я просил, умолял расследовать это дело, я указывал, что я невиновен и что я докажу и свидетелями и документально, но все мои просьбы остались гласом вопиющего в пустыне. В январе месяце этого года мне стало известно, что Коллегией ОГПУ Сев<еро>-Кавк<азского> края в отношении меня вынесен приговор: пять лет конц<ентрационных> лагер<ей> с направлением в г<ород> Кемь. Вся несправедливость, вся ложь и клевета так подействовали на меня, что с большим трудом подлеченный туберкулез вновь стал разъедать мои легкие. С 30-го октября и по настоящее время я нахожусь в больнице Дом<а> зак<лючения>. Были всевозможные медицинские исследования (рентген, анализ мокроты), и

Врачебно-Контрольная Комиссия приняла, что у меня туберкулез, и что на Север следовать я не могу, и несмотря на такое постановление меня все же включили в этап на Север и посылают таким образом на верную смерть (применяют высшую меру).

Я заявляю, что Коллегия ОГПУ судила меня на основании лживого материала, данного определенным негодяем или <нрзб.>, сводящим со мной личные счеты. Он загнал меня и обманул ГПУ. Так неужели все это гнусное дело пройдет безнаказанно для мерзавца, а я должен быть лишенным свободы, не сделав решительно никакого преступления.

Я прошу Комитет содействия политическим заключенным им<ени> Пешковой оказать мне помощь и содействовать раскрытию этого дела. Я глубоко убежден, что правда должна быть и восторжествовать. Помимо физического заболевания я морально убит и, видя такую несправедливость, готов биться головой о стену.

Все сказанное мною здесь я могу подтвердить и свидетелями, и документами. О получении заявления и принятых мерах прошу сообщить мне.

А. Соколов»¹.

*На письме — помета Михаила Львовича Винавера:
«Пусть пришлет отдельное заявл<ение> в ОГПУ. 8/VI-31».*

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 613. С. 6-7. Автограф.